

А. Белый. Фотография. 1933 г.

СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
МЕМОУАРОВ

Редакционная коллегия:

В. Э. ВАЦУРО
Н. К. ГЕЙ
Г. Г. ЕЛИЗАВЕТИНА
С. А. МАКАШИН
Д. П. НИКОЛАЕВ
А. И. ПУЗИКОВ
К. И. ТЮНЬКИН

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1990

А Н Д Р Е Й
Б Е Л Ы Й

М Е Ж Д У
Д В У Х Р Е В О Л Ю Ц И Й

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1990

ББК 84Р7
Б43

Подготовка текста и комментарии

А. В. ЛАВРОВА

Оформление художника

В. МАКСИНА

Б $\frac{4702010201-336}{028(01)-90}$ 8-89

ISBN 5-280-00519-3 (Кн. 3)
ISBN 5-280-00517-7

© Издательство «Художественная литература», 1990 г.

ЧУЛКОВ, МЕЙЕРХОЛЬД, БАКСТ, РЕМИЗОВ

Передо мною вырастают: Г. И. Чулков, В. Э. Мейерхольд, Л. С. Бакст, А. М. Ремизов.

Георгий Иванович Чулков очень нравился;¹⁸ он бросался на все точки зрения; и — через них перемахивал; но от этих спортивных занятий прихрамывал он то на правую, то на левую ногу.

Еще в прошлый приезд его образ связался с влетанием в комнату: дверь распахнулась — влетел Чулков с дыбом взбитыми волосами, — худой, впалогрудый и бледный, поднявши сквозняк; резолюции, протоколы, бумажки, взвитые, уносятся в вентилятор; Георгий Иваныч, присевши, стучит двумя пальцами: на мимеографе;¹⁹ и от него из редакции «Вопросов жизни»²⁰ «несется» он с пачкой листов, иль размноженного протеста, торчащего из его фалды с платком носовым; сюртучок его, узенький, с короткими рукавами; Георгий Иваныч басит трубно: в нос; а клок волос пляшет; махает рукой; набасив, намахавшись, наступивает он сызнава.

Он всегда оголтелый; и это — от всех преодоленных позиций; недоуменье в его широко открытых глазах; рот — полуоткрыт: через что перемахивать, когда все уже вымахано? Махать в бездну? В такие минуты истинно Зевесова, многохохлатая голова со взбитыми в щеки кольцами густой бороды, коль сбрить бороду, напоминает го-

---

* См. «Начало века», глава четвертая.

** См. «Начало века», глава третья.

лову мистера Дика («Давид Копперфильд»), особенно когда он влетит в *идэ-фикс*; мистер Дик не умеет изъять короля Карла Первого из своих мемуаров, которые в образе бумажных змеев затем летают под небом;²¹ Георгий Иванович страдает настойчивым зудом: поспеть первым куда бы то ни было; быв в ссылке с Дзержинским²², партийцев своих обогнав, он бросается перегонять декадентов; и в этих усилиях он припирается к религиозным философам; его застаю уже на другом перегоне, когда, перегнав Мережковских и сбив с ног Булгакова, на которого он налетел, локтем трахнув под бок Анну Шмидт на бегу²³, догонял он Иванова, Вячеслава, чтоб вместе с ним броситься к Блоку: его обгонять — в манифесте от имени мистических анархистов;²⁴ он им известил — Мейерхольда, Иванова, Блока, что, собственно, есть Мейерхольд, Блок, Иванов.

Меня же влек пафос его; влекла истинно героическая попытка, заранее обреченная на неудачу: вздуть пламя из еле тлеющего пепелища «Вопросов жизни».

Бывало, он выставит перед собой свою руку, встопыривши пальцы; и это подобие лапы орлиной качает он в воздухе, целясь глазами в ладонь и ее наполняя, как чашу, своими словами; но вдруг, от нее оторвавшись глазами, хватается за покрытый холодной испариной лоб, удивляясь тому, что из слов его вытекло вовсе не то, что втекло: втек — схематизм Мережковского; вытекло же — козлиное игрище: с Вячеславом Ивановым; носом пыхтит, оговаривается; и, не зная, как справиться со всеми точками зрения, их изживает «стоустым» он воплем, в изнеможении бросаясь на стул; отирает испарину и опрокидывает стакан вина себе в рот: содержание ж слов остается таки под углом в 90° к себе самому; «следовательно» не вытекает из «так как»; «так как» он следовал в ссылке, то — прав Иванов и Блок!

Встает мне с Зевесовой головою, закинутою в анархию, с рукой, брошенной в мистику, с корпусом, обращенным к левейшим заскокам левейших течений в искусстве; и — все ж: меня тянет к нему; он весь — подлинный, искренний, истинно Прометеев пыл (а не «пыль»).

Ставлю я образ молодого Чулкова: «Чулкова» в бороде, — еще не «врага»; когда ж он сбрил бороду, из парикмахерской вышел страдающий молодой человек с синевой под глазами и с заостренным очень бледным ликом больного Пьерро; в эти годы ему я приписывал множество злодеяний;²⁵ от этого приписания поздней хватался за го-

лову, восклицая по адресу себя самого: «С больной головы да на здоровую»; я имел основания быть недовольным Ивановым, Блоком; откуда ж следует, что Чулков — «виноват»?

Еще позднее: Георгий Иваныч — уже седогривый, уравновесившийся, почтенный, умный, талантливый литературовед, труды которого чтут; и этот Георгий Иваныч прекрасно простил мне мои окаянства²⁶.

Но не «врага», не «почтенного деятеля» вспоминаю на этих страницах, а — молодого Чулкова; к нему стал захаживать в этот период, чтобы делиться с ним мыслями и беседовать с Н. Г., супругой его, тихой, строгой, встречавшей с сердечною задумью.

У него-то я и столкнулся с В. Э. Мейерхольдом, только что разорвавшим с художественниками и оказавшимся в Питере²⁷.

Последнего, конечно, я знал, будучи гимназистом: по сцене; брала его талантливая игра — в «Чайке», в «Трех сестрах», в «Одиноких»;²⁸ я только что в Москве посетил его студию молодежи, ютившуюся на Поварской; Мейерхольд предложил мне беседу о новом театре; художественники драли нос перед нами, «весовцами», смыкаясь с группой «Знания»; Мейерхольд — рвал бесповоротно и круто с театром, недавно передовым; он сознательно шел к «бунтарям»; к смятению «театралов», впервые серьезный театр подошел к символистам — не моды ради: из убеждения.

В. Э. заживает конкретно во мне в небогатой предметами комнате: стол и несколько стульев на гладкой, серо-синеватой стене; из этого фона изогнутый локтями рук Мейерхольд выступает мне тою ж серою пиджачною парой (а может, въигралась она в этот фон из более позднего времени); он — слишком сух, слишком худ, необычайно высок, угловат; в темно-серую кожу лица со всосанными щеками всунут нос, точно палец в туго стягивающую перчатку; лоб — покат, губы, тонкие, сухо припрятаны носом, которого назначение — подобно носу борзой: унюхать нужнейшее; и разразиться чихом, сметающим все паутинки с театра.

Сперва мне казалось: из всех органов чувств — доминировал «нюх» носа, бросившегося вперед пред ушами, глазами, губами и давшего великолепный рельеф профилю головы с точно прижатыми к черепу ушами; недаром же Эллис прозвал Мейерхольда, его оценив: нос на цыпочках!

Позднее я понял: не «нюх»; зрение — столь же тонкое; осязание — столь же тонкое; вкус — столь же тонкий; подлинно доминировал внутренний слух — (не к черепу прижатое ухо), — исшедший из органов равновесия, управляющих движением конечностей, мускулами глаз и уха: он связывал в Мейерхольде умение владеть ритмами телодвижений с умением выслушать голосовой нюанс этой вот перед ним развиваемой мысли; во всем ритмичный, он обрывал на полуслове экспрессию телодвижений своих и взвешивал в воздухе собственный жест, как пальто на гвоздь вешалки, делая стойку и — слушая; напряженные мускулы сдерживали бури движений; не дрожало лицо: с легким посапом придрагивал только нос; выслушав, — он чихал шуткой; посмеивался каким-то чихающим смехом, поморщиваясь, потряхивая головой и бросая в лицо скульптуру преувеличенных экспрессией жестов; Мейерхольд говорил словом, вынутым из телодвижения; из мотания на ус всего виденного — выпрыг его постановок, идей и проектов; сила их — в потенциальной энергии обмозгования: без единого слова.

Не нюх, а — животекущая интуиция мысли, опередившей слова; у Чулкова слова — пароходище, пыхтящий колесами, выволакивающий на буксире от него отставшую лодочку; жест Мейерхольда — моторная лодка, срывающая с места: баржи идей.

Он хватался за лоб (нога — вперед, спиной — к полу, а нос — в потолок); то жердью руки (носом — в пол), как рапирой, метал в собеседника, вскочив и выгибая спину; то являл собой от пят до кончика носа вопросительный знак, поставленный над всеми догмами, во всем усомнясь, чтобы пуститься по комнате — шаг, пауза, шаг, пауза — с разрешением по-своему всех вопросов:

— «Вот так и устроим!»

Руки — в карманы: носом — в столовую пепельницу, — шаг, пауза: хватать рукой пепельницу:

— «Что это такое?»

И пепельницу — к носу: поворачивает у носа:

— «Ее бы на сцену».

Он, взгорбясь, морщиною лба рассекал пополам — все рутины:

— «Так?» — взгляд на нас: стойка, вынюхиванье наших мыслей об этом.

Я помню, что начал он нам объяснять, как надо прогонять по сцене толпу, вскакивая и полуприседая на стуле с подгибом ноги под себя.

— «Вы же все забываете, что, когда пьете чай, в окне — тот, этот: идет, идут; следуют тексту автора, а автор забыл посмотреть, что происходит за окнами; за окнами улица,— вскочил и выбросил руки вперед и назад,— там — идут»,— вздернул плечи: шаг, два; и — пауза: и поворот носа из-за спины:

— «Один, другой, третий; за окнами — идут: понимаете?»

И — шаг: в угол; и — поворот к нам; и — шаг из угла.

— «Они — пошли!»

И — ходит: и мы — за ним.

— «Вот! Это и надо показывать... Ведь — покажем? А?»

Трепок по спине: чихает шуткой, сухой и длинный.

Мне памятна встреча с В. Э. у Чулкова, с которым уже имели беседы о новом театре;²⁹ В. И. Иванов указывал: этот новый театр еще пока — театр импровизаций; скоро я возил Иванова к Блоку: иметь разговор о таком театре; Иванов впоследствии привел к Блоку Чулкова, который свел последнего с Мейерхольдом;³⁰ скоро — всерьез говорили о новом театре; он возник через год (театр Коммиссаржевской: с Мейерхольдом во главе)³¹.

Рыжеусый, румяный, умеренный, умница Бакст был противоположность Чулкова и Мейерхольда; он отказался меня писать просто;³² ему нужно было, чтобы я был оживлен: до экстаза; этот экстаз хотел он приколоть, как бабочку булавкою, к своему полотну; для этого он с собой приводил из «Мира искусства» пронырливого Нувеля, съевшего десять собак по части умения оживлять: прикладыванием «вопросов искусства», как скальпеля, к обнаженному нерву; для «оживления» сажалась и Гиппиус; от этого я начинал страдать до раскрытия зубного нерва, хватаясь за щеку; лицо оживлялось гримасами орангутанга: гримасами боли; а хищный тигр Бакст, всдыхивая глазами, подкрадывался к ним, схватываясь за кисть; после каждого сеанса я выносил ощущение: Бакст сломал челюсть; так я и вышел: со сломанной челюстью; мое позорище (по Баксту — «шедевр») поздней вывесили на выставке «Мир искусства»; и Сергей Яблоновский из «Русского слова» вскричал: «Стоит взглянуть на портрет, чтобы понять, что за птица Андрей Белый». Портрет кричал о том, что я декадент; хорошо, что он скоро куда-то канул;³³ вторая, более известная репродукция меня Бакстом агитировала за то, что я не нервнобольной, а усатый мужчина³⁴.

Однажды, войдя в гостиную Мережковских, — увидел я: полуприсев в воздухе, улыбалась мне довольно высокая и очень широкая, светловолосая, голубоглазая и гладколицая дама с головой, показавшейся очень огромной, с глазами тоже очень огромными; и тут же понял: она не стояла, — сидела на диване; а когда встала, то оказалась очень высокой, а не довольно высокой и только довольно широкой, а не очень широкой; это была Серафима Павловна Ремизова, суируга писателя.

Рядом с ней сидел ее муж с короткими ножками, едва достающими до пола, с туловищем ребенка в коричневом пиджачке, переломленном огромной сутулиной, с которой спадал темный плед; огромная в спину вдавленная голова, прижатая подбородком к крахмалу, являла собой сплошной лоб, глядящий морщинами, да до ужаса вставшие космы; смятое под ним придаток-личико являло б застывшее выражение ужаса, если бы не глазок: выскочив над очком, он лукавил; носчонок был луговка; кривились губки под понуро висящими вниз усами туранца; бородка — клинушком; щеки — выбриты; обнищавший туранец, некогда торговец ковров, явившийся из песков Гоби шаманствовать по квартирам, — вот первое впечатление.

Гиппиус рукою с лорнеткою соединила нас в воздухе:

— «Боря, — Алексей Михайлович! Алексей Михайлович, — Боря!»

Ремизов встал с дивана и, приговаривая, засеменял на меня; он выставил руку, совсем неожиданно сделав козу из пальцев:

— «А вот она — коза, коза!»

Но, подойдя, он серьезно и строго мне подал холодную лалку:

— «Алексей Ремизов».

И, встав на цыпочки, под подбородок, блеснул очком:

— «А я-то уже вот как вас знаю».

С тех пор автор романа «Пруд»³⁵ высунут мне из-за каждой спины каждого посетителя журфиксов Розанова, Бердяева, Вячеслава Иванова; вот Бердяев, сотрясаясь тиком, обрывает речь и жадно хватает воздух дрожащими пальцами; Ремизов, выставясь из-за него, — мне блистает очком,³⁶ и делает «козу»; а вот он, — сутуленький, маленький, — в том же свисающем с плеча пледике (ему холодно), выбравши жертвой великоколелного Вячеслава Иванова, — таскается за ивановской фалдой; куда тот, — туда этот; пальцем показывает на фалду:

— «У Вячеслава Иваныча — нос в табаке... У Вячеслава Иваныча — нос в табаке...»

Это тонкий намек на какое-то «толстое» обстоятельство:³⁷ экивоки, смешочки писателя, взявшего на себя в этом обществе роль Эзопа, — всегда не случайны: не то — безобидны, не то — очень злы; и он сам не то — добренький, не то — злой; не то — прост, не то — хитрая «бестия»; он ко мне пристает; и я жалуюсь на него Гиппиус.

Та — меня успокаивать:

— «Что вы, Боря? Алексей-то Михайлыч? Да это — умнейший, честнейший, серьезнейший человек, видящий насквозь каждого; коли он «юродит» — так из ума. Что вынес он в заточеньи?»³⁸ К нему привязался садист жандарм, за что-то взбесившийся; он насильно гнал Ремизова из камеры, заставляя будто бы свободно прогуливаться по городу; а товарищи по заключению удивлялись: «Ремизов на свободе!» Жандарм даже таскал его насильно с собою в театр; и перед всем городом оказывал ему знаки внимания; все для того, чтоб прошел слух: Ремизов — провокатор... А — тяжелое детство, — вечная нищета эта! Тень пережитого — в больном юродничанье; это — маска боли его».

Когда ближе узнал я большого писателя, первые ж строчки которого встретил со вздрогом, то я его оценил и человечески полюбил; не раз придется мне говорить о нем; если я подаю на этих страницах шарж, — в этом повинны мои тогдашние восприятия и та атмосфера, в которой мы встретились.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДРАМА

¹ Имеются в виду меблированные комнаты «Бель-Вю» (Невский пр., д. 64/11).

² 1 декабря 1905 г. Белый писал Блоку: «*Неприменно* буду ждать сегодня пить чай в ресторане Палкина в 8 часов. (На Невском. Буду в главном зале.)» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 161).

³ Описание этой встречи см. также: *Эпопея*, II, с. 268—269.

⁴ В первоначальном варианте текста далее следовало: «Не состоялось: падало; жест поэта, ко мне обращенный, казалось, кричал: «Я ведь знаю, с чем ты! Но — ты видишь: стою пред тобою с объятьем; и — стало быть: я — уступаю. Так о чем еще?» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 13, л. 39).

⁵ Таким образом Белый обозначает Л. Д. Блок, когда затрагивает историю своих личных отношений с нею. Она охарактеризована в статье В. Н. Орлова «История одной любви» (см.: Орлов Вл. Пути и судьбы. Литературные очерки. Л., 1971, с. 689—708), но с известной предвзятостью по отношению к Белому.

⁶ Уезжая из Шахматова в июне 1905 г., Белый передал Л. Д. Блок письмо с признанием в любви. В ответ Л. Д. Блок писала: «Я рада, что Вы меня любите; когда читала Ваше письмо, было так тепло и серьезно. Любите меня — это хорошо; это одно я могу Вам сказать теперь (...). Я не покину Вас, часто буду думать о Вас и призывать для Вас всей моей силой тихие закаты» (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 225). 12 августа 1905 г. Л. Д. Блок писала Белому: «Я Вас не забываю и очень хочу, как и все мы, чтобы Вы приехали этой осенью в Петербург» (ГБЛ, ф. 25, карт. 9, ед. хр. 18). Свидетельств проявления более глубоких чувств ее письма к Белому, предшествовавшие его декабрьскому приезду в Петербург, не содержат.

⁷ О достаточно активной позиции, занятой З. Н. Гиппиус в отношении личных коллизий между Белым и Л. Д. Блок, свидетельствует ее позднейшее письмо (от 25 декабря 1906 г.) к Л. Д. Блок: «Я думаю (и давно-давно думала, все время все знала, с тех пор как видела близко ваши глаза), — что вы никогда не сможете сказать себе, *понять* в себе, любите ли вы Борю или нет, — пока или «да» или «нет» не воплотятся реально. То есть пока вы же не воплотите того или другого, по *вере*, честной, в «да» или в «нет». (...) У меня точно две правды — две любви боролись в душе. И я чувствовала, что *хочу обе*, а они ели одна другую. Если не было у вас этого, — значит, я не угадываю еще вас (...) поймите: мы никогда никакой истинной любви не изменяем; мы лишь часто не узнаем ее природы, ее цвета и пытаемся втиснуть ее не туда, где для нее святое место, а на чужое, на другую любовь, — и тогда одна из них выедает другую, и мы бедны, мы во лжи. Если бы вы поверили в свою любовь к Боре и дали ей ее несомненное место в вашей душе — вы сохранили бы обе полностью и святостью. Только тогда. Нам часто кажется, что мы новой любви отдаем все без остатка, когда говорим ей реальное «да», совершаем поступки, как бы жизнь отдаем, — и тем «изменяем» прежнему. Это неправда. Истинное, нужное

в прежнем, — бессмертно. Мы лишь в данный момент оборачиваем весь свет на эту, новую, сторону души, все внимание — потому что ведь тут — рождается. Не убивайте ничего, что хочет родиться, ищет воплотиться. Вот убивая новое — легко убить и старое. А всякая причиненная смерть — приносит смерть и тому, кто ее совершает, рано или поздно, так или иначе. <...> Я так верю в вас, что Боре говорю всегда одно: чтобы он ехал к вам, ясный и сильный, и с последней простотой спросил бы вас о вашей вере: верите ли, что любите его, да, — или верите, что не любите, нет. Будьте с ним как с равным. Не жалейте его, — но и себя не жалейте» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 106).

⁸ Сюжетная канва поэмы «Ночная Фиалка» (1906) — сон, виденный Блоком в ночь с 16 на 17 ноября 1905 г. Работа над поэмой была начата 18 ноября 1905 г. Подробнее о тогдашних впечатлениях Белого от «Ночной Фиалки» см.: *Эпопея*, II, с. 280—286.

⁹ Подразумеваются слова Свидригайлова из «Преступления и наказания» (ч. 4, гл. I): «Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 6. Л., 1973, с. 221).

¹⁰ См.: «На рубеже двух столетий», гл. 4, примеч. 71.

¹¹ *Commedia dell'arte* — комедия масок; итальянские импровизированные театральные представления по краткому сценарию, персонажи которых — типовые маски, с использованием ярких зрелищных элементов, гротеска, буффонады. Блок ориентировался на эту театральную форму, работая над пьесой «Балаганчик» (1906), что и подразумевается здесь Белым.

¹² На историко-филологический факультет Петербургского университета С. М. Городецкий поступил в 1902 г., оставил университет в 1912 г. Первой публикацией Городецкого было его стихотворение «Зной», полностью приведенное в статье Блока «Краски и слова» (Золотое руно, 1906, № 1, с. 100).

¹³ В декабре 1905 г. Белый виделся с Е. П. Ивановым не только у Блока, но и в квартире Мережковских.

¹⁴ В первоначальном варианте текста было: «И я выдумал предлог: к переезду сюда; старик Радлов нишет к людям, могущим дать место преподавателя; это было одним из безумий моих; было много их; и подчеркивали Мережковские, мне не раз повторяли:» — и т. д. (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 13, л. 40 об.).

¹⁵ Ср. дневниковую запись Е. П. Иванова о посещении квартиры Мережковских 2 декабря 1905 г.: «...вдруг пришел домой

неожиданно Д. С. Мережковский и привел Борю Бугаева. «Зина, посмотри! Я его на улице нашел». Он встретил где-то на Литейном Бориса Николаевича и затащил домой» (Блоковский сборник. Тарту, 1964, с. 398; публикация Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова). Белый тогда же переселился к Мережковским.

¹⁶ См.: «Начало века», гл. 4, примеч. 183.

¹⁷ О своих идейных интересах осенью 1905 г. Белый вспоминает: «...прочитываю десятками брошюры, выпускаемые *эс-деками*, *эс-эрами* и анархистами; это чтение, вмененное себе в обязанность, продолжается до отъезда за границу в 1906 году; определяется точно, что моя орьентация — *эс-декская*. <...> экономический материализм как *«метод»* оформления и кантианское оформление марксизма мне ясны; я являюсь *sui generis социал-символистом* в то время <...>» (*Ракурс к дневнику*, л. 31).

¹⁸ Ср. запись Белого о пребывании в Петербурге в декабре 1905 г.: «...к этому времени относится краткая моя попытка ближе сойтись с Г. Чулковым» (там же, л. 31 об.).

¹⁹ *Мимеограф* — аппарат для получения незначительного количества оттисков с текста; подобие гектографа.

²⁰ В петербургском журнале *«Вопросы жизни»*, выходившем в 1905 г., Чулков руководил литературно-критическим отделом.

²¹ Имеются в виду эпизоды из гл. XIV романа Ч. Диккенса *«Жизнь Дэвида Копперфилда»* (1849—1850).

²² Будучи студентом Московского университета, Чулков как «политический преступник» был в 1902 г. сослан в Сибирь, в Якутию; с Ф. Э. Дзержинским он встретился в Александровской центральной тюрьме и вместе с ним был отправлен этапом на Лену (см.: Чулков Г. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930, с. 20, 22—27).

²³ Чулков познакомился с А. Н. Шмидт в Нижнем Новгороде в 1903 г. См.: там же, с. 121—123.

²⁴ См.: Чулков Г. О мистическом анархизме. Со вступительной статьей Вяч. Иванова *«О неприятии мира»*. СПб., 1906. Идейную платформу, обосновываемую в этой книге, Чулков впервые выдвинул в небольшой статье *«О мистическом анархизме»*, напечатанной в *«Вопросах жизни»* (1905, № 7).

²⁵ Белый имеет в виду свои полемические статьи 1907 г., печатавшиеся главным образом в *«Весах»* и направленные на развенчание «мистического анархизма»; статьи изобиловали резкими, а порой и оскорбительными выпадами по адресу Чулкова.

²⁶ Это примирение состоялось в середине 1920-х годов. Ср. письмо Чулкова к Белому от 2 марта 1925 г.: «...я оччень чувствую внутреннюю необходимость общения с Вами. В наши дни, когда разрушены «каноны» культурной жизни и нет связи и сообщения между «странами», надо искать путей иных: за отсутствием ли-

тературы, приходится искать непосредственных встреч, иногда существенно необходимых» (ГБЛ, ф. 25, карт. 25, ед. хр. 12).

²⁷ Подразумевается неудача с организацией (под руководством Мейерхольда) Театра-студии на Поварской улице — филиального отделения Московского Художественного театра. 21 декабря 1905 г. Мейерхольд извещал В. П. Веригину: «Сегодня приехал в Петербург; имею в виду здесь устроить то, что не удалось сделать в Москве» (Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896—1939. М., 1976, с. 58).

²⁸ В 1898—1902 гг. Мейерхольд состоял в труппе Московского Художественного театра, сыграл за это время 18 ролей, в том числе в пьесах Чехова «Чайка» (Треплев), «Три сестры» (Тузенбах) и в драме Г. Гауптмана «Одинокие» (Иоганнес Фокерат).

²⁹ В конце 1905 — начале 1906 г. Чулков и Мейерхольд попытались организовать в Петербурге новый театр «Факелы», однако это намерение тогда осуществить не удалось.

³⁰ См. об этом: Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 4. М., 1987, с. 397.

³¹ Работа Мейерхольда в петербургском театре В. Ф. Коммиссаржевской на Офицерской улице началась в августе 1906 г. См.: Рудницкий К. В театре на Офицерской. — В кн.: Творческое наследие В. Э. Мейерхольда. М., 1978, с. 137—151.

³² 19 декабря 1905 г. Л. С. Бакст писал А. Н. Бенуа о Белом: «...я набросал на днях его портрет цвет(ными) карандашами» (см.: Пружан И. Н. Лев Самойлович Бакст. Л., 1975, с. 88).

³³ См. воспроизведения этого портрета: *Стихотворения и поэмы*, между с. 144—145; Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 587; Пружан И. Н. Лев Самойлович Бакст, с. 89; Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 95.

³⁴ 4 марта 1906 г. Белый сообщал матери из Петербурга: «...с завтрашнего дня меня опять пишет Бакст во весь рост для «Золотого руна» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358). Этот портрет был помещен в «Золотом руне» (1907, № 1, между с. 72—73), а также в издании «Между двух революций» 1934 г. (между с. 64—65). Подробнее см.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Неизданная статья Андрея Белого «Бакст». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978, с. 94—98 (портрет — с. 96).

³⁵ Роман А. М. Ремизова «Пруд» был напечатан (в ранней редакции) в «Вопросах жизни» (1905, № 4/5—10/11). На его отдельное издание (СПб., 1908) Белый откликнулся рецензией (Весы, 1907, № 12, с. 54—56; см.: *Арабески*, с. 475—477).

³⁶ Н. А. Бердяев и Ремизов были близкими друзьями с 1902 г., когда они встретились в вологодской колонии политических ссыльных. См.: Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж, 1949, с. 116—146.

³⁷ Видимо, подразумевается намек на сюжет, реализованный Ремизовым в фривольной сказке «Что есть табак». Книжка Ремизова «Что есть табак. Гоносиева повесть» (СПб., 1908) была выпущена в свет без обозначения типографии, с рисунками К. А. Сомова, тиражом 25 экз.

³⁸ 18 ноября 1896 г. Ремизов был арестован в Москве как «агитатор» на студенческой демонстрации, подвергнут полуголодному одиночному заключению и выслан в Пензенскую губернию на два года под гласный надзор полиции; в Пензе вновь арестован (начало марта 1898 г.) за хранение и распространение запрещенной литературы и, после полутора лет следствия, выслан в административном порядке на три года в Усть-Сысольск. См.: Гречишкин С. С. Архив А. М. Ремизова.— В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 21—23.

³⁹ Ремизов сблизился с Б. В. Савинковым в Вологде, где они оба отбывали ссылку (в 1902—1903 гг.). Характеристике Савинкова посвящена глава в книге Ремизова «Иверень» (Редакция, послесловие и комментарии О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986, с. 264—272, 379—386).

⁴⁰ Имеется в виду Александр Иванович Дудкин, один из героев «Петербурга».

⁴¹ Имеется в виду арест Петербургского совета рабочих депутатов (3 декабря 1905 г.). В ответ на это 5 декабря конференция московских большевиков постановила объявить с 7 декабря всеобщую стачку и перевести ее в вооруженное восстание.

⁴² Стачка переросла в восстание 9 декабря, 10—11 декабря баррикады возникли во всех районах Москвы.

⁴³ Отряд под командованием полковника Г. А. Мина, подавивший московское восстание. В ходе уличных боев 17—19 декабря было убито более 1000 человек.

⁴⁴ Белый возвратился в Москву в начале третьей декады декабря 1905 г.

⁴⁵ *Мертвый переулок* (между Пречистенкой и Большим Власьевским пер.) расположен вблизи Обуховского переулка, где находился особняк Танеевых (д. 7).

⁴⁶ Статью Белого «Ибсен и Достоевский», содержащую критическую переоценку творчества Достоевского (см.: *Арабески*, с. 91—100), Мережковский и Э. Гиппиус восприняли как покушение на самые дорогие для них ценности. Ср. запись Белого о январе 1906 г.: «Выходит моя статья «Достоевский и Ибсен».

За статью мою мне достается от Мережковского: он присылает мне письмо, отрешающее меня от Христа» (*Материал к биографии*, л. 52). Фрагменты этого письма Мережковского к Белому и характеристику конфликта см.: Л а в р о в А. В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы). — В кн.: Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи, мемуары, публикации. М., 1988, с. 140—142.

⁴⁷ Белый вновь уехал в Петербург в середине февраля 1906 г.

⁴⁸ Торжественный обед по поводу выхода в свет первого номера нового московского символистского журнала «Золотое руно» (1906—1909) состоялся 31 января 1906 г.

⁴⁹ Выставка картин «Голубая роза» открылась в Москве в марте 1907 г. Ее участники (П. В. Кузнецов, Н. П. Крымов, А. Т. Матвеев, Н. Н. Сапунов, М. С. Сарьян, С. Ю. Судейкин и др.) были близки к редакции «Золотого руна», их работы неоднократно репродуцировались в журнале.

⁵⁰ С. А. Соколов заведовал литературно-критическим отделом «Золотого руна» до начала июля 1906 г.

⁵¹ Поэма Д. С. Мережковского «Старинные октавы» была напечатана в № 1—4 «Золотого руна» за 1906 г.

⁵² Ср. характеристику Рябушинского в мемуарах А. Н. Бенуа: «Считаясь баснословным богачом, он возглавлял всю московскую художественную молодежь и в своей вилле «Черный лебедь» стал устраивать какие-то удивительные пиры, а то и настоящие «афинские ночи». В той же вилле он держал на свободе, пугая тем соседей, диких зверей. Сам Николай Павлович что-то по секрету пописывал и производил весьма малоталантливые картины в символическом, или, как тогда говорили, «декадентском роде». Наподобие Алкивиада, он всячески бравировал филистерское благоразумие старосветской Первопрестольной и швырял деньги охапками» (Б е н у а Александр. Мои воспоминания, кн. IV, V. М., 1980, с. 439).

⁵³ Речь идет об идейно-эстетической переориентации «Золотого руна», обозначившейся в середине 1907 г.

⁵⁴ Иронически характеризуя банкет «Золотого руна» в письме к П. П. Перцову от 2 февраля 1906 г., Брюсов замечал о Белом: «...на оргийном торжестве «Руна» он был неподражаем: в венке из плюща, обнимаясь и целуясь с М-ше Кругликовой, художницей из «Нового времени» (...). Это было осуществлением всех дионисийских проповедей теоретика дионисизма Вячеслава Иванова» (*ИМЛИ*, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 26).

⁵⁵ Белый приехал в Петербург лишь в середине февраля 1906 г. Е. П. Иванов упоминает о его приезде в дневниковой записи от 14 февраля (Блоковский сборник, с. 399).

⁵⁶ Ошибка; портрет помещен в № 1 «Золотого руна» за 1907 г. См. выше, примеч. 34.

⁵⁷ Образ красного домино отразился в стихотворениях Белого «Маскарад» (1908), «Праздник» (1908), «В Летнем саду» (1906), входящих в раздел «Город» книги «Пепел» (см.: *Стихотворения и поэмы*, с. 222—224, 226—227, 237—238), а также в романе «Петербург» (1911—1913): красное домино — маскарадное облачение Николая Аполлоновича Абреухова.

⁵⁸ Имеется в виду Иванов-Разумник; Белый познакомился с ним в мае 1913 г. В статье «Русская литература в 1908 г.», касаясь книг Белого «Пепел» и «Кубок метелей», Иванов-Разумник писал: «Этого поэта и публициста губит присущее ему гримасничанье: он словечка в простоте не скажет, все с ужимкой, и когда высказывает самую простую мысль, то старается сказать так, чтобы как можно умнее вышло. <...> претензии его всегда шире исполнения, что особенно ясно сказалось в «Кубке метелей» — претенциозной и слабой книге» (Русские ведомости, 1909, № 1, 1 января). В обзоре «Русская литература в 1912 году» (1912) Иванов-Разумник также скептически отозвался о статьях Белого в «Трудах и днях», назвав их «философствованием на мало знакомые ему темы» (см.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 гг. Пб., 1922, с. 26).

⁵⁹ Белый остановился в меблированных комнатах «Бель-Вю» (см. выше, примеч. 1).

⁶⁰ Это чтение состоялось 25 февраля. Ср. запись Е. П. Иванова, сделанную в этот день: «Я был вечером у Блоков. Было собрание, читали «Балаганчик», последний пришел Белый» (Блоковский сборник, с. 399). Ср. характеристику этого чтения в «Воспоминаниях о Блоке» (*Эпопея*, III, с. 131—133).

⁶¹ Реплика Паяца в «Балаганчике». См.: Б л о к А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 4, с. 19.

⁶² Заключительные строки стихотворения «Насмешница» (10 января 1907 г.), входящего в цикл «Снежная Маска» (Б л о к А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2, с. 244).

⁶³ Строки из стихотворения Мережковского «Дети ночи» (1894). См.: М е р е ж к о в с к и й Д. С. Полн. собр. соч., т. XV. СПб.— М., изд. т-ва М. О. Вольф, 1914, с. 7.

⁶⁴ Неточно цитируется первая строфа стихотворения З. Н. Гиппиус «Петухи» (1906). См.: Г и п п и у с З. Н. Собрание стихов, кн. 2, 1903—1909. М., 1910, с. 9.

⁶⁵ Мережковские уехали за границу 25 февраля 1906 г.; в Париже они прожили более двух лет.

⁶⁶ Выставка «Мира искусства» экспонировалась в Петербурге с 24 февраля по 26 марта 1906 г. в Екатерининском зале на

Малой Конюшенной ул. См.: Сергей Дягилев и русское искусство, в 2-х томах, т. 1. М., 1982, с. 202—204, 398—401 (комментарии И. С. Зильберштейна и В. А. Самкова).

⁶⁷ Стихи Б. В. Савинкова Белый получил от Ремизова, видимо, еще во время своего пребывания в Петербурге в декабре 1905 г., поскольку уже 13 февраля 1906 г. С. А. Соколов писал Ремизову (на бланке «Золотого руна»): «Стихи Бориса С. возвращаю — они не пойдут» (*ГПБ*, ф. 634, ед. хр. 203).

⁶⁸ Объяснение в любви Белого и Л. Д. Блок состоялось 26 февраля. В своих воспоминаниях «И быль и небылицы о Блоке и о себе» Л. Д. Блок пишет об этом: «Мы возвращались с дневного концерта оркестра графа Шереметева, с «Парсифаля», где были всей семьей и с Борей. Саша ехал на санях с матерью, я с Борей. Давно я знала любовь его, давно кокетливо ее принимала и поддерживала, не разбираясь в своих чувствах, легко укладывая свою заинтересованность им в рамки «братских» (модное было у Белого слово) отношений. Но тут (помню даже где — на набережной, за домиком Петра Великого) на какую-то фразу я повернулась к нему лицом — и остолбенела. Наши близко встретившиеся взгляды... но ведь это то же, то же! «Отрава сладкая...» <...> И с этих пор пошел кавардак. Я была взбудоражена не менее Бори. Не успевали мы остаться одни, как никакой уже преграды не стояло между нами, и мы беспомощно и жадно не могли оторваться от долгих и неутоляющих поцелуев» (Александр Блок в воспоминаниях современников, в 2-х томах, т. 1. М., 1980, с. 173—174). Ср. воспоминания Белого о феврале 1906 г.: «Трудная ситуация создается с Блоками: Л. Д. Блок влюбляется в меня; я уже ясно сознаю, что сильно люблю ее (с 1905 года); мы имеем с ней в конце этого месяца ряд объяснений. <...> Я снимаю себе комнату на Шпалерной: Л. Д. бывает у меня» (*Материал к биографии*, л. 52).

⁶⁹ В дневниковой записи от 11 марта 1906 г. Е. П. Иванов зафиксировал слова Л. Д. Блок, характеризующие ее внутреннее состояние в это время: «Я Борю люблю и Сашу люблю, что мне делать. Если уйти с Борисом Николаевичем, что станет Саша делать. Это путь его. Борису Николаевичу я нужнее. Он без меня погибнуть может. С Борисом Николаевичем мы одно и то же думаем: наши души это две половинки, которые могут быть сложены. А с Сашей вот уж сколько времени идти вместе не могу <...>. Это не значит, что я Сашу не люблю, я его очень люблю, и именно теперь, за последнее время, как это ни странно, но я люблю и Борю, чувствуя, что оставляю его» (Блоковский сборник, с. 400).

⁷⁰ Более отчетливую характеристику этих коллизий Белый дает в мемуарных записях: «Л. Д. мне объясняет, что Ал<ек>

сандр) Алекс(андрович) ей не муж; они не живут как муж и жена; она его любит братски, а меня — подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен ее развести с Ал(ександром) Алек(сандровичем) и на ней жениться; я предлагаю ей это; она — колеблется, предлагая, в свою очередь, мне нечто вроде *menage en trois*, что мне несимпатично; мы имеем разговор с Ал. Ал. и ею, где ставим вопрос, как нам быть; Ал. Ал. — молчит, уклоняясь от решительного ответа, но как бы давая нам с Л. Д. свободу. (...) Она просит меня временно уехать в Москву и оставить ее одну, — дать ей разобраться в себе; при этом она заранее говорит, что она любит больше меня, чем Ал. Ал., и чтобы я боролся с ней же за то, чтобы она выбрала путь наш с ней. Я даю ей нечто вроде клятвы, что отныне я считаю нас соединенными в Духе и что не позволю ей остаться с Ал(ександром) Алекс(андровичем)» (*Материал к биографии*, л. 52 об.).

⁷¹ Белый уехал в Москву 5 или 6 марта. Предполагалось, что он и Л. Д. Блок вскоре уедут вместе в Италию.

⁷² Приводим первое из писем Л. Д. Блок к Белому (от 9 марта), отправленных после его отъезда в Москву: «Милый, я не понимаю, что значит — разлука с тобой. Ее нет, или я не вижу еще ее. Мне не грустно и не пусто. Какое-то спокойствие. Что оно значит? И почему я так радостно улыбалась, когда ты начал удаляться? Что будет дальше? Теперь мне хорошо — почему, не знаю. Напиши, что с тобой, как расстался со мной, понимаешь ли ты, что со мной. Люблю тебя, но ничего не понимаю. Хочу знать, как ты. Люблю тебя. Милый. Милый. Твоя Л. Б.» (*ГБЛ*, ф. 25, карт. 9, ед. хр. 18).

⁷³ 13 марта Л. Д. Блок писала Белому: «Несомненно, что я люблю и тебя, истинно, вечно; но я люблю и Сашу, сегодня я влюблена в него, я его на тебя не *променяю*. Я должна принять трагедию любви к обоим вам. (...) Верю, Бог знает как твердо, что найду выход, *буду* с тобой, но и *останусь* с ним. О, еще будет мука, будет трагедия без конца; но будет хорошо! Буду с тобой! Какое счастье! Останусь с ним! И это счастье!»; 14 марта: «...Саша теперь бесконечно нежен и ласков со мной; мне с ним хорошо, хорошо. Тебя не забываю, с тобой тоже будет хорошо, знаю, знаю! Милый, люблю тебя!»; 16 марта: «Куда твои глаза манят, куда идти, заглянув в самую глубину их, — еще не понимаю. Не знаю еще, ошиблась ли я, подумав, что манят они на путь жизни и любви. Помню ясно еще мою живую к тебе любовь. Хотя теперь люблю тебя, как светлого брата с зелеными глазами...»; 17 марта: «Боря, я поняла все. Истинной любовью я люблю Сашу. Вы мне — брат (...). Вы меня любите, верю, что почувствуете мою правду и примете ее, примете за меня мучения. (...) Боря, понимаете Вы, что не могу я изменить первой любви своей?»

(там же). В письмах от 19 и 20 марта Л. Д. Блок вновь заверяет Белого в своей любви к нему и зовет приехать поскорее в Петербург (см.: Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 240—241).

⁷⁴ 11 апреля 1906 г. Л. Д. Блок писала Белому: «Не приезжай до воскресенья» (*ГБЛ*, ф. 25, карт. 9, ед. хр. 18; воскресенье — 16 апреля). См. также письма Л. Д. Блок к Белому от 6 и 10 апреля 1906 г. (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 244—245).

⁷⁵ 6 апреля Блок писал Белому: «Не приезжай пока ни в каком случае. Я тебе напишу, когда. <...> У меня самый трудный экзамен» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 175). Блок в это время держал выпускные экзамены в университете.

⁷⁶ Белый приехал в Петербург 15 апреля 1906 г. и пробыл там до начала мая.

⁷⁷ Имеется в виду латышский поэт Вальдемар Дамбергс (1886—1960), знакомый Гюнтера (тогда живший, как и Гюнтер, в Митаве). См.: Письма В. Дамбергса к Блоку. Предисловие, публикация и комментарии Е. М. Беня.— В кн.: Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 4, с. 423—426.

⁷⁸ Разделяя здесь Л. Д. Блок и «Щ.», Белый создает неясную картину того, как начало складываться общение с нею в этот его приезд в Петербург. Ср. письмо Л. Д. Блок к Белому от 15 апреля 1906 г.: «Приходи к нам сегодня же в 2 часа. <...> Сашины главные экзаменационные ужасы прошли благополучно. Хочу тебя видеть и говорить»; приписка Блока: «Милый Боря, приходи» (там же, кн. 3, с. 245). 17 апреля М. А. Бекетова записала в дневнике: «Вчера Аля заходила ко мне <...>. Рассказала мне про Борю: явился вчера — жалкий и общипанный, было с Сашурой очень натянуто, а Люба спокойна» (там же, с. 616).

⁷⁹ Ср. заключительные строки стихотворения Белого «Маскарад» (июль 1908 г.): «С окровавленным кинжалом//Пробежало домино» (*Стихотворения и поэмы*, с. 224).

⁸⁰ Ср. позднейшие записи Белого об этом: «Морально я одерживаю победу над Л. Д.; она дает мне обещание, что осенью мы с ней едем в Италию и что с этого времени как бы начинается наш путь с ней; она просит меня дать ей провести с Ал. Ал. последнее лето» (*Материал к биографии*, л. 52 об.— 53).

⁸¹ Ср. запись Е. П. Иванова от 17 апреля 1906 г. о посещении дома Блоков: «Когда сидели за чаем втроем с Александрой Андреевной, пришел и Боря. <...> А Саша Блок все время не был, пошел «пить». Мы ждали, но он так и не пришел» (Блоковский сборник, с. 404—405).

⁸² Имеется в виду строка «Чуть золотится крендель булочной» из стихотворения Блока «Незнакомка», датированного 24 апреля 1906 г. В дневниковой записи от 12 января 1921 г. К. И. Чуковский передает слова Блока о том, как создавалась «Незнакомка»: «Незнакомку» писал, когда был у него Белый, — целый день. Белый взвизгивал, говорил — «а я послушаю и опять напишу» (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 2. М., 1981, с. 253—254; публикация Е. Ц. Чуковской).

⁸³ *In vino veritas!* (лат.) — Истина в вине! Ср. в «Незнакомке»: «И пьяницы с глазами кроликов // «In vino veritas!» кричат»; последняя строка: «Я знаю: истина в вине» (Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2, с. 185—186).

⁸⁴ Уподобление здесь Блока придорожному кусту — аргумент в пользу того, что в системе образов и символов рассказа Белого «Куст» (Золотое руно, 1906, № 7-9, с. 129—135) коллизии взаимоотношений Белого с Блоком и Л. Д. Блок того времени нашли свое — намеренное или бессознательное — отражение.

⁸⁵ «Глядя на луч пурпурного заката» — романс А. А. Оппеля (1888) на слова стихотворения «Забыли вы» П. А. Козлова, популярный в начале XX в. См.: Песни и романсы русских поэтов (Библиотека поэта, большая серия). М.—Л., 1965, с. 839—840, 1059.

⁸⁶ См.: Белый Андрей. Петербург. Л., 1981, с. 126.

⁸⁷ I Государственная дума была открыта 27 апреля 1906 г.; заседания проходили в Петербурге в Таврическом дворце.

⁸⁸ Белый сообщает, что на одном из первых собраний на «башне» Вяч. Иванова он выступал с темой «Градация форм искусства» (*Ракурс к дневнику*, л. 33 об.).

⁸⁹ О появлении Б. Дикса (Б. А. Лемана) с кузиной О. Н. Анненковой в петербургской символистской среде см. письмо С. М. Городецкого к Вл. Пясту от 11 мая 1906 г. (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 246—247).

⁹⁰ Белый упоминает О. Н. Анненкову в числе русских антропософфов, живших в 1914 г. в Швейцарии и участвовавших в строительстве Гетеанума (*Материал к биографии*, л. 90). 6 писем О. Н. Анненковой к Белому хранятся в его архиве (ГБЛ, ф. 25, карт. 8, ед. хр. 11).

⁹¹ Белый переехал из Москвы в Дедово 22 мая 1906 г.

⁹² I Государственная дума была распущена 9 июля 1906 г.

⁹³ Белый имеет в виду прежде всего письмо Л. Д. Блок к нему от 22 июля 1906 г.; приводя слова Хильды из 2-го действия «Строителя Сольнеса» («Иметь настоящую, свежую, пышущую здоровьем совесть, чтобы смело идти к желанной цели»), она

определенно заявляла: «Боря, знаю, что между нами, знаю Вашу любовь, но твердо знаю, что взять это или не взять в *моей* воле. Вот разница. И не беру во имя ценного, во имя пути мне *данного*. <...> И я должна нарушить с Вами все. Теперь это так» (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 249).

⁹⁴ Мотивы рассказа Э. По «Маска Красной Смерти» (1842) отразились в стихотворениях Белого «Маскарад», «Праздник», «В Летнем саду» (1906) (см. выше, примеч. 57) и в романе «Петербург». См.: Белый Андрей. Петербург, с. 654—655, 664—665.

⁹⁵ «Донская речь» — политическо-общественная газета либерального направления, выходившая в Ростове-на-Дону в 1887—1908 гг.

⁹⁶ Всероссийский крестьянский союз — массовая политическая организация, возникшая летом 1905 г. и объединявшая народническую интеллигенцию и сознательное крестьянство; лидеры союза и большинство делегатов были сторонниками мирных форм борьбы. Союз распался в 1907 г.

⁹⁷ О том, что С. Соловьев склонен был мифологизировать свое чувство, свидетельствует его письмо к Белому от 30 июня 1906 г. из Трубицына, в котором он осмысляет общение с крестьянской девушкой под знаком религиозного жизнестроительства: «Елена — и все с ней связанное — не хаос, не зверь, а Новый завет, но не по схеме, а по-новому, очищенному. Ее образ в отдалении окончательно освободился от колдовства и магева. Ведро на плече красивой девки преобразилось в водонос Ревекки; соблазнительность влаги, тростников и рыбы преобразилась в нетление вод Иордана и лодку галилейских рыбаков. Разумеется, это — миг» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 13).

⁹⁸ Отношения С. Соловьева с Блоком были фактически разорваны до ноября 1910 г.

⁹⁹ В июле 1906 г. Соловьев познакомил Елену со своими родственниками в Дедове; ср. его письмо к Белому от 17 июля: «Вчера в Дедово приехала Елена <...>. Она была очень замечена у нас <...> Елена пристально рассматривала бабушку, приблизив к ней лицо, и эти две головы, старая и молодая, так художественно оттеняли одна другую, что я исходил в восторге, в сознании предопределенности всего, легкости и безопасности» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 13). 2 сентября 1906 г. Соловьев писал Белому из Москвы: «1-го октября женюсь непременно. Содержи в тайне» (там же, ед. хр. 6).

¹⁰⁰ Ср. запись Белого об июне 1905 г.: «С. М. Соловьев, как и я, настроен революционно. <...> мы оппозиционно относимся

к Дедову и каждый день ходим отводить душу с сестрами Любимовыми в село Надовражино» (*Материал к биографии*, л. 53).

¹⁰¹ Цитата из романа «Сомнение». См.: гл. 1, примеч. 19.

¹⁰² Белый уехал в Серебряный Колодезь в середине июня 1906 г.

¹⁰³ Лирическая поэма Белого «Панихида» была опубликована в 1907 г. в «Весах» (№ 6, с. 5—14); позднее Белый разбил ее на относительно самостоятельные стихотворения, помещенные в книге «Пепел».

¹⁰⁴ Неточная цитата из стихотворения «Вынос» (1906), входящего к 5-й части поэмы «Панихида» (*Стихотворения и поэмы*, с. 249).

¹⁰⁵ Цитата из стихотворения «Хулиганская песенка» (июль 1906 г.), входящего в «Пепел» (*Стихотворения и поэмы*, с. 266).

¹⁰⁶ Подробнее об этом Белый сообщает в «Воспоминаниях о Блоке»: «...был на меня настоящий донос Николаю Петровичу, земскому, часто бывавшему прежде у мамы и потому положившему дело «О подстрекательстве помещика Б. Н. Бугаева к разграблению собственного имуществва» — под сукно (это, верно, донес управляющий наш); добродушнейший Николай Петрович собрался было меня вызвать и посоветовать мне удалиться из Тульской губернии <...> да я в это время уехал <...>. Говорили потом, что уже наострил свое ухо урядник, да земский его уломал; этим дело и кончилось» (*Эпопея*, III, с. 182—183).

¹⁰⁷ Белый вернулся в Дедово около 20 июля.

¹⁰⁸ В частности, 6 августа 1906 г. Л. Д. Блок писала Белому: «С весны все настолько изменилось, что теперь нам увидеться и Вам бывать у нас — совершенно невозможно. Случайные же встречи где бы то ни было были бы и Вам, и мне только по-настоящему беспокойны и неприятны. Вы должны, Боря, избавить меня от них — в Петербург не приезжайте. И переписку тоже лучше бросить, не нужна она, когда в ней остается так мало правды, как теперь, когда все так изменилось и мы уже так мало знаем друг о друге» (*ГБЛ*, ф. 25, карт. 9, ед. хр. 18).

¹⁰⁹ Блок приехал для объяснений с Белым из Шахматова в Москву вместе с Л. Д. Блок 8 августа; к этой поездке относятся две его недатированные записки, обращенные к Белому: «Приехал говорить, сейчас возьмем комнату поблизости и придем за Тобой»; «Боря, приходи сейчас же в ресторан Прагу. Мы ждем. Саша» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 177). См. также: *Эпопея*, III, с. 185—186.

¹¹⁰ Ср. дневниковую запись М. А. Бекетовой (8 августа 1906 г., Шахматова): «Саша с Любой вернулись из Москвы. <...> Виделись с Борей. Поговорили 5 минут. Поссорились, разошлись, но он не намерен прекращать сношений и не верит в то,

что Люба к нему изменилась. <...> Боря был, как всегда, безвкусен до крайности (общее мнение)» (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 618).

¹¹¹ Разрыв с братьями Коваленскими Белого и С. Соловьева основывался на политических разногласиях: «...ссоры с Коваленскими (они — «кадеты», мы с С. М. — революционеры)» (*Ракурс к дневнику*, л. 35). Ср. запись М. А. Бекетовой от 24 августа 1906 г.: «Сережа женится на крестьянке, поссорился с бабушкой и со всеми своими и революционер» (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 618).

¹¹² Дача министра внутренних дел П. А. Столыцина на Аптекарском острове в Петербурге была разрушена взрывом 12 августа 1906 г.; сам Столыпин не пострадал, эсеры-террористы погибли. См.: Спиридович А. И. Революционное движение в России, вып. II. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. М., 1916, с. 290—291.

¹¹³ Цитируется заключительная строфа стихотворения «Маскарад», написанного в июле 1908 г. (*Стихотворения и поэмы*, с. 224).

¹¹⁴ *Франценсбад* — австрийский курорт близ г. Эгера, известный водолечебными заведениями и минеральными водами.

¹¹⁵ Эллис отправился от Белого к Блоку в Шахматово с вызовом на дуэль 10 августа 1906 г. Объяснения с Эллисом в Шахматове описаны в воспоминаниях Л. Д. Блок (Александр Блок в воспоминаниях современников, в 2-х томах, т. 1, с. 176—178). См. также: *Эпопея*, III, с. 188—190; Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 618 (дневниковая запись М. А. Бекетовой от 24 августа 1906 г.).

¹¹⁶ В конце августа — начале сентября 1906 г. Блок с женой поселились отдельно от матери и отчима, в квартире на Петербургской стороне (Лахтинская ул., д. 3, кв. 44).

¹¹⁷ В августе — сентябре 1906 г. Белый с матерью переехали в квартиру в доме Новикова близ Арбата (Никольский пер., д. 21, кв. 7).

¹¹⁸ Подразумевается прежде всего история несостоявшейся женитьбы С. Соловьева на крестьянской девушке, отразившаяся в главной сюжетной коллизии «Серебряного голубя» — отношениях Дарьяльского и Матрены.

¹¹⁹ Ср. признания в воспоминаниях Л. Д. Блок: «Отношение мое к Боре было бесчеловечно, в этом я должна сознаться. Я не жалела его ничуть, раз отшатнувшись <...> я не думала о том, что все же виновата перед Борей, что свое кокетство, свою эго-

истическую игру я завела слишком далеко, что он-то продолжает любить, что я ответственна за это... Обо всем этом я не думала и лишь с досадой рвала и бросала в печку груды писем, получаемых от него. Я думала только о том, как бы избавиться от этой уже ненужной мне любви, и без жалости, без всякой деликатности просто запрещала ему проезд в Петербург. Теперь я вижу, что сама доводила его до эксцессов; тогда я считала себя вправе так поступать, раз я-то уже свободна от влюбленности» (Александр Блок в воспоминаниях современников, в 2-х томах, т. 1, с. 176).

¹²⁰ Белый приехал в Петербург 23 августа.

¹²¹ См. письмо Л. Д. Блок к Белому от 26 августа 1906 г. (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 256).

¹²² См. выше, примеч. 85.

¹²³ См.: Б е л ы й Андрей. Петербург, с. 126.

¹²⁴ Ресторан (до 1910 г.— трактир), находившийся в доме баронессы Э. А. Майдель на углу Миллионной улицы и Машкова переулка (Миллионная, д. 18/8).

¹²⁵ Имеются в виду эпизоды из гл. 1 «Петербурга», главки «Наша роль», «И при том лицо лоснилось» (Б е л ы й Андрей. Петербург, с. 36—43).

¹²⁶ Ресторан «Доминик» (Невский пр., д. 24).

¹²⁷ Ср.: «...отчетливо вылепился силуэт Николая Аполлоновича в серой николаевской шинели и в студенческой набок надетой фуражке. Медленно подвигался Николай Аполлонович (...), представляя собой довольно смешную фигуру: запахнувшись в шинель, он казался сутулым и каким-то безруким с пренелепо плясавшим по ветру шинельным крылом» (Б е л ы й Андрей. Петербург, с. 47).

¹²⁸ Рецензия Белого на книгу Чулкова «О мистическом анархизме» была напечатана не в «Весах», а в «Золотом руне» (1906, № 7-9, с. 174—175). Ср. запись Белого о сентябре 1906 г.: «Имею значительный разговор с Чулковым, старающимся мне объяснить, что такое мистический анархизм» (*Материал к биографии*, л. 53 об.).

¹²⁹ «Сутта-Нипата» — одна из самых старых частей буддийского Канона. Белый имеет в виду издание: Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведенная с пали на английский язык Др. Фаусбеллем. Русский перевод Н. И. Герасимова. М., 1899.

¹³⁰ См.: Б е л ы й Андрей. Петербург, с. 235—240 (гл. 5, главка «Страшный суд»).

¹³¹ Литературный вечер у Ф. Сологуба состоялся 3 сентября 1906 г. Сологуб записал об этом приеме: «Читали стихи: Андрей

Белый, Кузмин, Пестовский, я» (*ИРЛИ*, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 81, л. 48).

¹³² Анахронизм: повесть М. А. Кузмина «Крылья» была впервые напечатана в ноябрьском (11-м) номере «Весов» за 1906 г. Произведение это получило скандальную известность благодаря затрагиванию в нем проблем однополрой любви.

¹³³ См.: «Начало века», гл. 1, примеч. 222.

¹³⁴ Д. Ф. Трепов умер 2 сентября 1906 г.

¹³⁵ Сохранились две записки Л. Д. Блок Белому с предложением прийти: в первой (от 29 августа) она приглашала его «завтра, 30-го, только на часок среди дня, часа в 4» (Литературное наследство, т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 3, с. 256); во второй, от 6 сентября, она писала: «Приходите, если хотите, в четверг 7-го сентября вечером» — и сообщала новый адрес на Лахтинской улице (*ГБЛ*, ф. 25, карт. 9, ед. хр. 18). В первой записке новый адрес не был указан — предполагалось, что свидание состоится по старому, известному Белому адресу. В «Воспоминаниях о Блоке» Белый, описывая свой визит к Блокам, отмечает, что был у них вечером «где-то у Каменноостровского, в маленькой очень квартирке, обставленной бедно: под крышей» (*Эпопея*, III, с. 193) — т. е. на Лахтинской улице; следовательно, знаменательное объяснение состоялось 7 сентября.

¹³⁶ *Колпино* — ближайший к Петербургу город по Николаевской железной дороге.

¹³⁷ К. И. Арабажин, сын сестры Н. В. Бугаева, жил в доме 16 по Чернышеву переулку.

¹³⁸ Исполнителем роли Шерлока Холмса Белый в данном случае был склонен считать Е. П. Иванова, с которым неоднократно встречался в начале сентября. См. дневниковые записи Иванова от 4, 5, 6 и 7 сентября 1906 г. (Блоковский сборник, с. 409—410) и письмо Белого к нему от 6 сентября 1906 г. (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989, с. 355).

¹³⁹ Переживания ночи с 7 на 8 сентября 1906 г. непосредственно отразились в гл. 1 «Петербурга», главка «Так бывает всегда»: «Петербург, Петербург! Осаждаясь туманом, и меня ты преследовал праздную мозговую игрой: ты — мучитель жестокосердый <...>. О, большой, электричеством блещущий мост! Помню я одно роковое мгновение; чрез твои сырые перила сентябрьскою ночью перегнулся и я: миг, — и тело мое пролетело б в туманы. О, зеленые, кишачие бациллами воды! Еще миг, обернули б вы и меня в свою тень» (Б е л ы й Андрей. Петербург, с. 55).

¹⁴⁰ Неточная цитата из сокращенной и переработанной редакции «Петербурга». См.: Белый Андрей. Петербург. М., 1978, с. 59.

¹⁴¹ Уподобление, которым завершается большинство фрагментов сутты III кн. 1-й «Сутта-Нипаты»; например: «3(36). Кто близкою дружбой связан с людьми, тот лишается своей прибыли, ибо дух его закован в цепи; видя опасности дружбы, ты иди одиноко, подобно носорогу»; «26(59). Оставь жену и сына, отца и мать, богатство и жито, оставь все, что порождает желания, и иди своим путем одиноко, подобно носорогу» (Сутта-Нипата, с. 36, 38; пер. Н. И. Герасимова).

¹⁴² Эта записка среди писем Л. Д. Блок к Белому не сохранилась.

¹⁴³ 9 сентября 1906 г. Е. П. Иванов записал в дневнике: «Был у Блоков. Узнал, что Белый решил ехать за границу» (Блоковский сборник, с. 411). Ср. письмо Л. Д. Блок к Белому от 13 сентября 1906 г.: «...помните, как я смотрела на Вас, когда Вы победили смерть и вернулись? Разве я не верила тогда в Вашу светлость и честность? Верила, и теперь верю, и буду верить. И верю в нашу дружбу с Вами и хочу, чтобы Вы завоевали ее. Но не забывайте, что за нее надо бороться Вам не только с «внешними врагами», но и с собой» (ГБЛ, ф. 25, карт. 9, ед. хр. 18).

¹⁴⁴ Белый приехал в Москву 9 или 10 сентября. 10 сентября он подал прошение об увольнении из числа студентов университета в связи с заграничной поездкой, оно было удовлетворено 19 сентября (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 305, л. 18).

¹⁴⁵ Белый выехал из Москвы в Мюнхен 20 сентября 1906 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ

¹ О Е. А. Вулихе Белый сообщает в письмах к матери из Мюнхена от 22 октября (н. ст.) 1906 г.: «...провожаю время только с В. В. <Владимировым> да еще с одним русским» и 31 октября (н. ст.) 1906 г.: «Один только русский (еврей) — друг В. В. пришелся мне очень по душе. Это социал-демократ, человек благородный и неподкупно честный. Может быть, через месяца полтора он будет в Москве. Прошу тебя, милая мама, отнесись к нему поласковой. Он такой одинокий, гордый и замкнутый, с виду даже неприятный, но в душе удивительный человек. Я ему дам письма к московским знакомым» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358). Во время пребывания в Москве Вулих познакомился с А. Д. Бугаевой: в одном из писем к Белому (от 6 мая 1907 г.) он передает привет ей и Евдокии Ивановне, — видимо, прислуге Бугаевых (ГБЛ, ф. 25, карт. 13, ед. хр. 16).